

Челябинский гуманитарий. 2024. № 2 (67). С. 32–45.

ISSN 1999-5407 (print).

Chelyabinskij Gumanitarij. 2024; 2 (67), 32–45.

ISSN 1999-5407 (print).

Научная статья

УДК 008.001

DOI 10.47475/1999-5407-2024-67-2-32-45

КОНЦЕПТ «КУЛЬТУРНЫЙ КОД» КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ В ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИНАХ

Артем Владимирович Дробышев

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия, d.artiom2018@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется концепт «культурный код», получивший в последнее время широкое распространение в самых разных российских дискурсах. На основании данных распределения результатов поиска словосочетания «культурный код» по датам с 1983 по 2021 гг. в системе Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также частотности использования словосочетания «культурный код» в системе ведущей электронной библиотеки Elibrary.ru с 1988 по 2023 гг. делается вывод о высокой востребованности данного концепта, его уникальности (актуальности и новизне) и универсальности (междисциплинарности и междискурсивности).

Исходя из мировоззренческих принципов текстоцентризма, предполагающего *текст* в качестве главного элемента в сложнейшей системе познания мира и подразумевающего существенную трудность преодоления «барьерных зон» в работе со сложными абстрактными понятиями, автором предпринимается попытка самостоятельного эксперимента в изучении концепта «культурный код» с помощью культурологической модификации метода аналогии.

На основании функционального и содержательного анализа медиа дискурса и научного дискурса делается вывод о преобладающем взгляде на концепт сквозь призму семиотического подхода, а также формулируется аксиоматическое (рабочее) определение «культурного кода» как системы знаков и правил их употребления, выполняющих функции культурной коммуникации и памяти. Исходя из данного определения, автором проводится аналогия между «культурным кодом» и криптографическим кодом «Энигмы».

Анализ системы коммуникации, осуществляемой при помощи известной шифровальной машины, и последующая расширенная аналогия с ситуацией вхождения в неизвестную комнату, в которой обнаруживается «Энигма», позволяет автору сделать вывод о культурном коде как пустотном концепте и универсальном методологическом инструменте для гуманитарных наук.

В заключении говорится о необходимости дальнейшего изучения культуры, текстов и кодов с использованием данных из криптологии, теории информации, математики, кибернетике, когнитивистике, лингвистике, культурологии и др., а также о перспективности рассмотрения различных криптоаналитических методов как культурологических подходов.

Ключевые слова: культурный код, кодирование, концепт, методология, метод, культура, культурология, криптография, код «Энигмы», кодтекст.

Для цитирования: Дробышев А. В. Концепт «культурный код» как универсальный методологический инструмент в гуманитарных дисциплинах // Челябинский гуманитарий. 2024. № 2 (67). С. 32–45. doi: 10.47475/1999-5407-2024-67-2-32-45

Original article

CONCEPT OF «CULTURAL CODE» AS A UNIVERSAL METHODOLOGICAL TOOL
IN HUMANITARIAN DISCIPLINES

Artem V. Drobyshev

Chelyabinsk State University Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia, d.artiom2018@gmail.com

Abstract. The article explores the concept of «cultural code», which has recently been widely distributed in a variety of Russian discourses. Based on the distribution of the results of the search for the word «cultural code» by dates (frequency per million word forms) from 1983 to 2021. in the system of the National Corps of Russian Language as well as the frequency of use of the word

combination «cultural code» in the system of the leading electronic library Elibrary.ru from 1988 to 2023. the conclusion is made about the high demand of this concept, its uniqueness (relevance and novelty) and universality (interdisciplinary and interdisciplinary). Proceeding from the ideological principles of text-centrism, presupposing text as the main element in the most complex system of knowledge of the world and implying the difficulty of overcoming «barrier zones» in working with complex abstract concepts, the author tries an independent experiment in studying the concept of «cultural code» with the help of cultural modification of the method of analogy.

On the basis of functional and informative analysis of media discourse and scientific discourse the conclusion about the prevailing view on the concept through the prism of semiotic approach is made, and axiomatic (working) definition of «cultural code» is formulated as systems of signs and rules of their use, performing functions of cultural communication and memory. Based on this definition, the author draws an analogy between the «cultural code» and the cryptographic code «Enigma».

Analysis of the communication system performed with the help of the known cipher machine, and the subsequent extended analogy with the situation of entering the unknown room, in which the «Enigma» is found allows the author to draw a conclusion about the «cultural code» as a hollow concept and a universal methodological tool for the humanities.

The conclusion asserts the need for further study of culture, texts and codes using data from cryptology, information theory, mathematics, cybernetics, cognitive science, linguistics, cultural studies, etc. as well as the prospect of considering various cryptanalytic methods as cultural approaches.

Key words: cultural code, coding, concept, methodology, method, culture, cultural science, cryptography, Enigma code, codetext.

For citation: Drobyshev A. V. (2024). Concept of «cultural code» as a universal methodological tool in humanitarian disciplines. *Chelyabinskij Gumanitarij*, 2 (67), 32–45. doi: 10.47475/1999-5407-2024-67-2-32-45

Введение

Одной из основных причин для написания настоящей статьи послужила та особая популярность, какую в самых разных российских дискурсах за последние несколько лет приобрёл концепт «культурный код». Не претендуя на роль исследователя, который даст исчерпывающее объяснение причин возникновения подобного спроса, можно только предположить, что наблюдаемая мода на «коды» – в том числе и культурные – во многом обуславливается теми социокультурными, политическими и экономическими обстоятельствами, в которых сегодня обнаруживает себя Россия и российское государство. Имеется в виду, прежде всего, проблема идеологического вакуума, возникшего в конце прошлого века как следствие распада СССР. Отказавшись, во-первых, от коммунистических установок и в большинстве своём от всего советского (в том числе и терминологии), Россия, после падения «железного занавеса», открылась проекциям множества разнообразных культур, а значит, испытала на себе влияние новых смыслов, идей, ценностей, мировоззрений, философий, литератур, кинематографий и т.д. Сам по себе момент активной и открытой межкультурной коммуникации, по нашему убеждению, является, за исключением некоторых негативных аспектов, скорее положительным. Однако, нельзя не отметить и тот сущностный факт, что недостаточная изученность подобных процессов и неумение работать с ними, совпав по времени с наиболее явным научно-техническим скачком последних десятилетий: появлением интернета, распространением компьютеров, различных технологий в значительной степени поспособствовали приближению каждого человека к статусу гражданина мира. Вместе с тем, в условиях непрерывного, явного и скрытого противостояния крупных капиталистических держав, выраженного в политических, экономических, идеологических и прямых вооружённых столкновениях последнего времени, особенно остро стал ощущаться отмеченный ранее идеологический вакуум. Одним из возможных способов его заполнения в данных реалиях стало продвижение идей наиболее интенсивного изучения национальной культуры, исследования культурных процессов, выявления собственной идентичности, в том числе – региональной. Несколько перефразируя слова уральского поэта Романа Тягунова, можно отметить: «Россия в поисках <себя>: / Привычка выросла в обычай» и, судя по всему, выходя на новый виток самоопределения, в поисках специальных современных инструментов, приёмов и подходов, при помощи которых возможно осуществлять такой поиск или, вернее было бы сказать, чтение себя и своей культуры. Надо полагать, одним из выбранных инструментов представляется в самом широком смысле культурный код.

Доказательством данного тезиса может служить фиксируемый результат частотности словоупотребления в корпусе «Газетный (850 млн)», полученный в системе НКРЯ¹ с 1999 по 2021 год (рис. 1).

¹ Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 31.03.2024

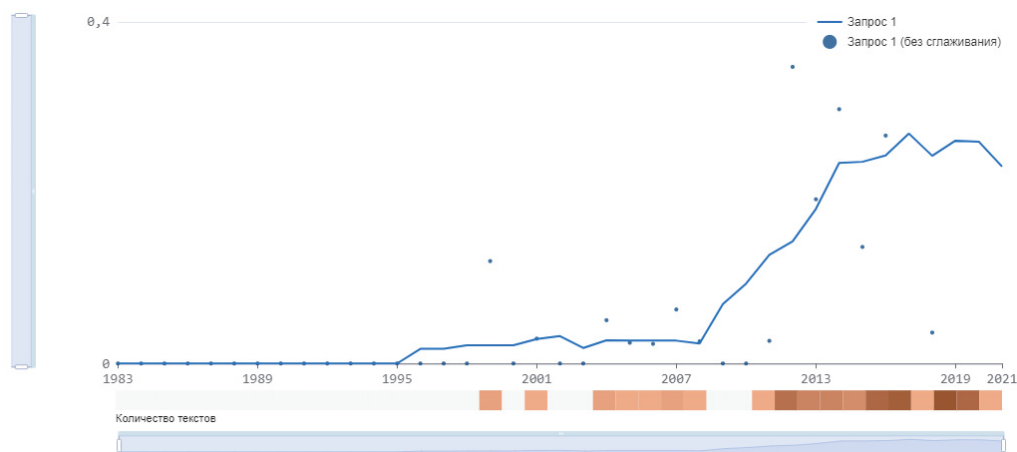

Рис. 1. Распределение результатов поиска словосочетания «культурный код» по датам (частота на миллион словоформ) с 1983 по 2021 гг.

Как видно из графика, частота употребления в СМИ рассматриваемой категории в заданной форме заметно увеличивается, начиная с 2007-2008 годов.

Отметим: мы посчитали возможным использовать именно этот корпус, руководствуясь тем, что СМИ, как мы думаем, в большей степени восприимчивы к отображению различных междискурсивных тенденций в сравнении с художественной литературой или научным дискурсом.

Теперь обозначим хотя бы в общих чертах то место, которое «культурный код» занимает в научном дискурсе. Рассматривая количественные показатели, при формировании запроса мы стремились охватить наиболее полное количество всевозможных научных текстов, представленных на русском языке, поэтому использовали систему Elibrary.ru², как одну из ведущих электронных библиотек в настоящее время.

Итак, при общем объёме всей библиотеки, насчитывающей 55 631 787 научных текстов различных жанров и форматов, заданное словосочетание «культурный код» в расширенном поиске, с учётом вариативности допустимых в системе параметров, встречается как минимум – 3 873, а как максимум – 109 037 источников. Если представить, что каждый из текстов был бы представлен в объёме всего одной страницы А4, то и тогда мы бы имели дело с несколькими десятками томов научной литературы. При этом анализ частотности использования термина на Elibrary.ru показывает примерно такую же динамику, как и в случае с результатами, полученными в системе НКРЯ (рис. 2). Отметим, что с 1900 по 1987 год – встречается всего 30 текстов с упоминаниями «культурного кода».

И хотя мы убеждены, что анализ данного материала не только интересен, необходим, но и возможен, например, при помощи автоматического корпусного анализа, которым сегодня успешно пользуется компьютерная лингвистика, нам же в рамках настоящей статьи кажется принципиальным лишь то, о чём говорят количественные показатели сами по себе.

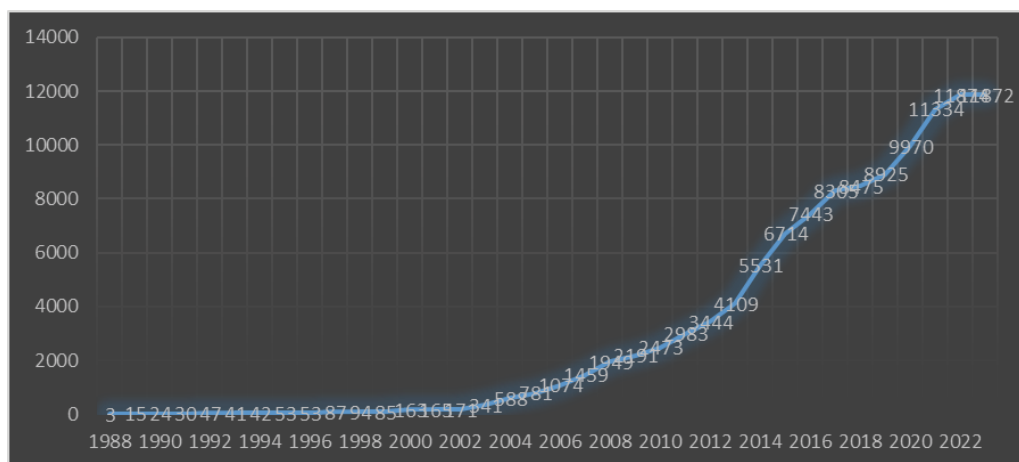

Рис. 2. Частотность использования словосочетания «культурный код» в системе Elibrary.ru по датам с 1988 по 2023 гг.

² Все количественные показатели представлены на момент поиска от 13.03.2024

«Культурный код» с этой количественной точки зрения представляется нам, во-первых, если и не культурным феноменом, то, по меньшей мере, своеобразным «зеркалом» некоторых культурных изменений, которые, судя по всему, требуют обновлённого словаря. Выражаясь языком М. Фуко, рассматриваемый термин видится на данном этапе, очевидно, одной из важных «клеток» в той «решётке», посредством которой переформатируется современное гуманитарное знание. Во-вторых, «культурный код» осознаётся как одна из наиболее востребованных на сегодняшний день категорий. Высокий спрос на «культурный код», его уникальность (актуальность и новизна) и универсальность (междискурсивность и междисциплинарность), всё это вместе говорит о необходимости исследования «культурного кода» как концепта, прояснения его содержания, а также – это наиболее важно – его методологического и узкоспециального (например, культурологического) потенциала.

Парадоксально, но несмотря на то, что в современной науке наличествует достаточное количество исследований, нацеленных на решение этих задач, в силу множества точек зрения и многообразия используемых подходов, это скорее усложняет процесс понимания и определения дефиниции. Всё разнообразие огромного множества трактовок какого-либо понятия или явления, хотя бы и стремящихся к созвучию и дополнению друг друга, неизбежно рождает разночтение предлагаемых интерпретаций. Исследователи, таким образом, закономерно оказываются на развилке двух путей: фрагментарный сравнительно-описательный анализ имеющихся интерпретаций и следующий за ним выбор варианта, адекватного конкретному объекту и цели изучения; либо надстройки собственного определения, исходящего из того же предваряющего метода.

Однако, возможен ещё и третий путь, суть которого довольно кратко и вполне исчерпывающе изложил известный американский учёный Ноам Хомский, согласно которому наиболее важным в рамках всякого познания следует мыслить процесс собственного проживания и прочувствования самостоятельно проведённых экспериментов, дарующих не только ощущение сопричастности общему движению научной мысли, но и чувство присвоения добытых результатов, а кроме того – осознания ценности чужих (<https://youtu.be/oj9VqXtg1cg>).

Это положение не в последнюю очередь, делает предпринимаемую в рамках настоящей статьи попытку собственного исследования «культурного кода» оправданной и целесообразной.

«Барьерные зоны» исследования и методология

Исходя из мировоззренческих принципов текстоцентризма, мы, подобно космо-, тео- и антропоцентризму, будем иметь в виду в нашем исследовании, что нечто, называемое *текстом*, лежит в самом центре данной нам реальности, культуры и цивилизации, и, следовательно, являет собой главный элемент в сложнейшей системе познания мира. Иными словами, мы будем размышлять, прежде всего, принимая за исходное положение главенство текста в самом широком смысле, то есть в качестве целостного сложного многоуровневого и многоформатного явления, в той или иной степени открытого для чтения и понимания.

Стремясь к максимально возможной интеллектуальной честности, нам кажется необходимым обозначить существующие в принятой системе координат трудности. Говоря образно, внутри текста (например, вербального) наличествуют такие «барьерные зоны», в силу которых процессы чтения и понимания в значительной степени усложняются. Речь, прежде всего, о таких текстовых явлениях, как полиинтерпретируемость, архи-, транс-, интер- и гипертекстуальность, омонимии, полисемии, синонимии, метасинонимии и ряда других. Поскольку в науках (особенно гуманитарных) учёный непременно отталкивается от целого ряда текстов, а точнее сказать, текстовых корпусов: книг, монографий, статей, учебников и учебных пособий, он неизбежно оказывается в окружении «барьерных зон» и вынужден их преодолевать. Особенно остро, на наш взгляд, это проявляется в подобных теоретизированных работах, имеющих дело с крайне абстрактными и до известной степени умозрительными понятиями. Проблема определения абстрактных терминов через другие не менее абстрактные вводит исследователя в «терминологические лабиринты», на которые нам уже приходилось указывать (Дробышев 2023а: 52). Сущность «тупиков», в которые они заводят, лучше всего было бы рассматривать в схеме, когда условный термин X определяется через термины $AVLU$, где A – через $BWLN$, а повторяющаяся L – через $VWSI$ и т.д. Выделяя в этой схеме (если представить её в виде разветвления) определённым цветом повторяющиеся единицы, мы ясно увидим своего рода замкнутый круг. Поскольку читатель сам при желании может без труда начертить подобную схему, пользуясь, например, философским или культурологическим словарём, мы не будем более останавливаться на этом. Но подчеркнём: «барьерные зоны», конечно, наблюдаются не только в терминах и лексических значениях, но и в пределах отдельных текстов, например, научных статей. Стоит взглянуть хотя бы на «прошитость» таких текстов множеством ссылок, как явных, на которые указывает сам автор, так и скрытых, носящих имплицитный характер. «Первоисточники», к которым отсылает статья, указывают, в свою очередь, на собственные «первоисточники», а те – на свои и т.д. Естественно, что по отношению к рассматриваемому тексту обнаруживаются определённые внешние обстоятельства, обычно обозначаемые знаком «контекст», и благодаря которым читатель

оказывается способен воспринимать текст на определённом уровне. Сложность заключается в том, что с позиции текстоцентризма данные обстоятельства суть ни что иное, как сумма текстов, выступающих по отношению к исходному в качестве первоисточника. Продолжая эту мысль, можно сделать вывод, что с увеличением текстов, происходит нечто, похожее на их уплотнение или «спрессовку», когда сумма текстов начинает восприниматься как единое целое. В результате этого замкнутый круг определения терминов через повторяющиеся термины как бы размыкается за счёт рекурсивных алгоритмов. Именно поэтому опытному исследователю, много лет занимающемуся научной деятельностью и свободно говорящему на «языке» науки, оказывается несколько проще работать с абстракциями и такими процессами, которые вызывают у молодого учёного значительные затруднения. Ясно, что владение наибольшим количеством текстов, начитанность, открывает возможность большего погружения и понимания. Однако ясно и другое: познающий субъект всегда оказывается в пределах «Не-свобод» данностей первого и второго порядков (Дробышев 2023b). Проще говоря, фактичность ограниченности человеческой жизни определяет возможные границы овладения имеющимися текстами. Практически, данные рассуждения уводят нас в область философии текста как такового, осмысления явлений «диктатуры» текста и образования текстового «мифа», веры в текст и доверия системе «авторитетов» текста, которая предположительно сводится к системе повторов и имён внутри самого текста и т.д. Полагаем, что обстоятельное разъяснение хотя бы некоторых обозначенных вопросов требует отдельного и серьёзного погружения.

Тем не менее, возвращаясь к проблеме трактовки понятий, мы вовсе не хотим сказать, что такие «барьерные зоны» непреодолимы. Во введении мы уже указали на пути разрешения подобных трудностей.

Избирая для себя третий подход, утверждающий ценность собственного эксперимента, одной из главных наших задач становится разложение абстракции термина до его конкретно предметного уровня. Для успешного решения мы будем опираться, прежде всего, на разработанный метод аналогии в его культурологической модификации (Дробышев 2023a).

Результаты исследования

Приступая к анализу термина «культурный код» (X), мы исходим из той же логики, что и во введении. Нас интересует общее место и функционирование X в двух дискурсивных полях. В качестве первого (а) мы рассматриваем популярный медиа дискурс (политический, развлекательный и научно-развлекательный контент), в качестве второго (б) научный дискурс (статьи, диссертации, монографии, книги).

а) Стремясь к детализации выбранного дискурса, мы постарались проанализировать – хотя и весьма фрагментарно – функционирование и логику использования «культурного кода» в политическом медиа-сегменте, а также развлекательном и научно-популярном.

Имея в виду, что в современной российской действительности не последнюю роль в формировании политической повестки играет «первое лицо», нами были рассмотрены стенограммы выступлений В. Путина³ за тот же период, что и в статистической выкладке. Судя по всему, одно из самых ранних упоминаний президентом этого понятия в публичном пространстве относится к выступлению на заседании Совета по культуре и искусству 25 сентября 2012 года, а к последним – выступления в первые месяцы 2024 года. Ни в одном из рассмотренных случаев нет полноценного прояснения содержания «культурного кода». Вместе с этим, контекстуальный анализ данных выступлений позволяет: во-первых, с уверенностью утверждать, что в арсенале категорий политика данная дефиниция занимает важное место, а во-вторых, выявить соседние семантически сближающиеся категории, выстраивающиеся в некоторые устойчивые синонимические ряды (напр.: национальный код – национальный культурный код – национальный духовный код – внутренний культурный код – культурно-генетический код и т.д.), на основании которых мы делаем выводы о том, какое значение вкладывает руководитель государства в понятие культурного кода.

Кроме того, интересным представляется не только содержание термина в этой интерпретации, но и динамика его распространения в политической среде. Концептом «культурный код» (в том же ключе) оперируют, например, председатель Госдумы В. Володин и министр иностранных дел РФ С. Лавров. Предполагаем, что при необходимости и более внимательном просмотре, можно обнаружить такое же бытование (т.е. интуитивное употребление) термина в текстах других российских политиков.

Исследуя видео-контент на платформе YouTube, отобранный по запросу заданного словосочетания в разных вариациях его словоформ, мы также постарались прояснить преобладающее понимание термина на обыденном и научно-развлекательном уровнях посредством анализа контекстов. Особо показательным

³ Официальный сайт Президент России: <http://www.kremlin.ru>: События/Стенограммы/поиск по дате:

1. Заседание Совета по культуре и искусству от 25.09.2012
2. Приём по случаю Дня народного единства от 04.11.2017
3. Вручение премий Президента молодым деятелям культуры и за произведения для детей от 6.04.2018
4. Встреча с лауреатами и финалистами конкурса «Учитель года» от 5.10.2022
5. Встреча с учащимися вузов по случаю Дня российского студенчества от 25.01.2023
6. Встреча с главами муниципальных образований от 16.01.2024
7. Встреча с участниками Всемирного фестиваля молодёжи от 06.03.2024

в этом ракурсе видится обсуждение интересующего нас понятия в рамках телепередачи «Агора» под названием «Культурный код нации: что это?» (<https://youtu.be/cJ03n500jLI>). Главным инфоповодом программы стала сквозная тема, обсуждаемая на VIII Международном Санкт-Петербургском культурном форуме (2019), сформулированная организаторами так: «Культурные коды в условиях глобализации». И вновь, наиболее интересным в этом случае представляется не столько содержание данного обсуждения, сколько общая логика его организации и структура. Буквально на первых минутах ведущий Михаил Швыдкой, после разъяснения темы, названной выше, конкретизирует: «...то есть каким образом сохранить национальную культуру, национальную традицию в эпоху, когда мир стремится универсализировать всё, от одежды до технологий». И далее, после размышлений ведущего о глобализации в истории человечества, о том, что составляет русский культурный код и когда он начинает своё существование, объяснение даёт Владимир Аристархов, директор Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, согласно которому культурный код – «это то, что делает нас теми, кем мы являемся; то, что формирует нашу идентичность (...) те черты, ценности, особенности нашего характера, которые делают нас русскими, россиянами, и отличают нас от иных культур. А почему культурный? Потому что все эти черты, ценности и т.д., воспринимаются нами через приобщение к нашей культуре, (...) в которой как бы и закодирована наша идентичность». Так, последующий час телепередачи занимают, главным образом, различные размышления и высказывания о русском культурном коде как о русской идентичности – национальной культуре – национальной традиции – культурной исключительности русских как «особенных европейцев» и т.д.

Довольно существенной кажется разработка понятия, представленная в видео-лекциях С. Б. Переслегина (<https://youtu.be/agDok03Rsvg>). Исследователь рассматривает культурный код нации как «набор практик, полученный за огромное время существования данной цивилизации. (...) Для каждой нации, которая выжила и дожила до сегодняшнего дня, культурный код – это лучшее, что она могла придумать; это за тысячелетия отобранные лучшие образцы её практики». Культурный код как таковой, по убеждению С. Б. Переслегина, для каждой нации отвечает на вопрос о том, во-первых, «Как и зачем (вместе) жить на этой территории?», а во-вторых, «Как и зачем (вместе) умирать на этой территории?». Иначе говоря, культурный код в представлениях учёного мыслится в качестве определённых «алгоритмов действий в различных ситуациях, прежде всего, критических, то есть угрожающих жизни, здоровью, социальному статусу». Особенно ценным в исследовании С. Б. Переслегина, с нашей точки зрения, является уточнение факторов, определяющих формирование того или иного национального культурного кода. Выделяются, прежде всего: 1) географические условия: физическая география, страноведение, экономическая география; 2) язык: структура модальностей, глубина трансляции, структура времени, сложность синтаксиса и др.; 3) история: импринтные события.

Дмитрий Соловьёв, представляющий в рамках конференции «Современная Россия» результаты исследования российской идентичности путём изучения смысловой уникальности различных городов, понимает под культурным кодом той или иной территории «молекулы» смыслов, которые, в свою очередь, делятся на «атомы истины», представляющие из себя такие максимально редуцированные особенности и отличительные черты нации, как, например: «1. Боязнь определённости; 2. Инфантильность сознания; 3. Слабый навык стратегического мышления...» и др. (<https://youtu.be/cOyXQUYSRIE>).

Подобным образом «культурный код» фигурирует в ряде видеопрограмм, объединённых тематикой бизнеса, брендинга, маркетинга и т.д. (<https://youtu.be/eJBAhVBF6Ww>). Отметим, что сразу в нескольких таких материалах авторы преимущественно опираются на достаточно известную книгу Клотера Рапая «Культурный код. Как мы живем, что покупаем и почему», согласно которой «восприятие любой вещи, явления или понятия (...) восходит к самым ранним детским впечатлениям и откладывается в глубинной части мозга, которая отвечает за выживание. Тайный смысл сложившихся образов в каждой культуре свой. Это своего рода замок, и открывается он с помощью шифра – культурного кода» (Рапай 2019). Подобное представление культурного кода в виде своеобразного ключа или пароля, с помощью которого открывается «замок» какой-либо культуры, представляется одним из наиболее распространённых.

Говоря о «культурном коде» и его месте в экономическом дискурсе, следует отдельно отметить курс лекций Александра Аузана «Зачем экономике культура», представленный как на YouTube, так и на просветительском интернет-портале Argamas. Материалы данной лекции в итоге стали основанием для книги «Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа» (Аузан 2022).

Кроме всего прочего, немалое количество того или иного материала, лекций, различных моно- и диалогических блогерских видео, где так или иначе фигурирует категория «культурный код», можно уверенно объединить в одну группу. Большая часть из них сходится в том, что под данным термином понимается некая «корневая система» культуры (<https://youtu.be/WtJ8YahOMag>), то есть некоторый исходный текст или прототекст (пред-текст) по отношению к такому тексту, который принят в качестве основного. Иллюстрацией может служить работа видного современного философа Андрея Баумейстера

«Образ Рождества: культурный код Европы» (<https://youtu.be/-nh732UZPKs>). Нам в этом случае интересна лишь логика подхода, когда учёный читает (декодирует) культуру Европы – праздники, различные ритуалы, музыку, театр, живопись, литературу, поэзию, кино – с точки зрения сюжета Рождества как ключевого прототекста. Таков же принцип использования «культурного кода», например, в любопытном видео-эссе из двух частей «Культурный код Оксимирона»⁴ (<https://youtu.be/VqqMzat084s>). Иными словами, культурным кодом по отношению к дискурсу современного реп-исполнителя выступает, среди прочих, дискурс культового американского репера Eminem'a – своего рода «эминемовский» код, как один из элементов прототекста Оксимирона.

Делая промежуточные обобщения, можно отметить, что понятие «культурный код» соотносится с набором таких доминирующих характеристик, моделей поведения, стратегий и практик в той или иной культуре, которые, во-первых, определяют её уникальность или идентичность, а во-вторых, являются ключом к пониманию этой самой культуры.

Однако, подчеркнём ещё раз: главной задачей данного обзора было не столько прояснение определения интересующего нас термина, сколько суть общей логики его использования в современном медиапространстве.

б) Отрефлексировать «культурный код» в научном дискурсе, хотя бы на одну треть, учитывая количество источников (см. введение), также представляется весьма затруднительным. В связи с этим, мы будем опираться: во-первых, на диссертационные исследования последних лет, где понятию уделяется значительное внимание; во-вторых, на ряд статей, стремящихся прояснить суть термина или носящих обобщающий характер и нацеленных на систематизацию уже имеющихся материалов по проблеме.

1. Итак, «культурный код» в диссертационных исследованиях с учётом упоминания данного концепта в общем содержании по каталогу диссертаций в системе виртуального зала Российской государственной библиотеки на момент написания статьи отображает 69 974 результатов по данному запросу. Это, с одной стороны, в очередной раз подтверждает наш тезис о востребованности термина в современном научном дискурсе и, следовательно, разнообразии его интерпретаций, а с другой – указывает на объективную невозможность рассмотреть и проанализировать все имеющиеся трактовки интересующей нас дефиниции. В такой ситуации представляется оправданным суженный поиск в той же системе по заглавию диссертации с учётом морфологии, в результате которого отображается всего 11 работ, в числе которых 3 – философские науки (1 – докторская, 2 – кандидатские), 7 – филологические науки (1 – докторская, 6 – кандидатские), и одна докторская диссертация по культурологии.

Общий обзор этих исследований позволяет сказать, что в большинстве из них не ставится задача специальной проработки термина, однако, понять, что тот или иной учёный подразумевает и для каких целей использует «культурный код», становится возможным, рассматривая способ его применения. Так, например, Г. В. Зубко в своей докторской диссертации (<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002752960>), исследуя культуру фульбе, определяет в качестве основы культурного кода данного западноафриканского народа систему из трёх «культов»: природы, красоты и знания. При этом понятия «культурный код», «культура», «программа» и «матрица культуры» сближаются, а под «культом» автор подразумевает «не организованный институт, связанный с религиозными представлениями, а прежде всего, основные ценности, культурные приоритеты данного народа и объекты “поклонения”» (с. 56). Говоря о «мифологическом коде культуры», Г. В. Зубко также рассматривает «код» как некую «программу», лежащую в самом мифе, через которую в древности «происходило приобщение человека к культуре» (с. 191).

В работе Е. А. Куликова (<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01009941918>), рассматривающего особенности национальной литературы и искусства, в качестве основного фактора, определяющего их специфику, видится менталитет народа, представляющий, по утверждению автора, «сумму культурных и национальных кодов, заложенных при рождении и приобретённых человеком с течением жизни» (с. 34). Поскольку далее исследователь сосредотачивается, главным образом, на кодах второго типа и имеет в виду под ними вторичную знаковую систему, использующую «различные материальные и формальные средства для специфически-национальных культурных и ментальных смыслов, концептов, стереотипов и ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания» (с. 47), мы можем судить о понимании учёным концепта лишь из общего контекста его размышлений. Согласно Е. А. Куликову, культурный код вбирает в себя определённые аспекты сознания, приобретённые индивидом в процессе социокультурной деятельности, то есть в ходе социализации и инкультурации. Скажем, что в данной системе координат, по нашему мнению, остаётся не совсем ясно, как на практике разграничить систему национальных и культурных кодов, например, в конкретном литературном произведении, когда границы между этими системами, представляются в значительной степени размытыми.

В своём диссертационном исследовании, посвящённом метасюжету судьбы лирического героя в творчестве С. А. Есенина (<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003043482>), М. Ю. Жилина также обращается к

⁴ Признан иностранным агентом на территории РФ

понятию культурного кода, за которым, по-видимому, рассматривает определённую систему контекстов, например, пушкинский или блоковский контекст, из суммы которых в конечном счёте складывается некий общий культурный код, воплощающийся и эволюционирующий в конкретных мотивных комплексах (плачь о мире, бунт, солнцелюбие и др.), организующих данный метасюжет (с. 5-9).

Л. В. Калугина, изучая факты рецепции литературы западноевропейского Средневековья и Возрождения и поэтического творчества В. С. Высоцкого (<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007860553>), сосредотачивается, главным образом, на отношениях «текст-текст» и «дискурс-дискурс» и использует в качестве основного понятие интертекстуальности – «способности текста формировать свой смысл с опорой на другие тексты» (с. 8). Культурный код в данном случае сближается с понятиями «чужое слово», «исходный текст» и «прототекст».

Несмотря на то, что в каждой представленной работе подходы к определению содержания концепта и его практическое применение в рамках конкретного исследования видятся нам значимыми, мы считаем целесообразным выделить в данном списке три диссертации, в которых этому понятию уделяется наибольшее внимание.

Так, в кандидатском исследовании Т. В. Болдыревой «Типология культурных кодов в драматургии Л. Н. Андреева» (<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004043267>) концепт рассматривается в тесной взаимосвязи с такими понятиями как художественный код, художественное высказывание, художественное произведение и картина мира. Понимая «картину мира» как некую совокупность или систему интуитивных, бессознательных и специфических представлений о реальности: времени, пространстве, событии, бытии, составляющих содержание фундаментальных координат, посредством которых определяется мироустройство, Т. В. Болдырева в своих размышлениях отталкивается от идеи Б. Успенского, согласно которому в культуре обнаруживаются такие структурные оси или «штапирующие» устройства, которые организуют картину мира и под «напряжением» которых структурируются собственные знания личности, ориентируя её, таким образом, в необходимом направлении согласно данной системе. Подобная система, по утверждению автора, представляет собой множество различных «дискурсивных практик», т.е. явление, определённое Ж.-Ф. Лиотаром как «метарассказ». Именно данный «метарассказ», под которым понимаются высказывания и сообщения «задающие тон» конкретной эпохи (с. 27), пройдя процедуру «легитимации», становится фундаментом для научной парадигмы, формирующей, в свою очередь, другие парадигмы: художественную, религиозную, политическую и социальную. Так, например, наряду с другими, в определённую эпоху возникает конкретное художественное высказывание, которое согласуется с основным «метарассказом» и которое представляет собой своеобразный художественный «метатекст» (суммарное высказывание) эпохи. При этом, согласно И. В. Саморуковой, понятия «художественное высказывание» и «художественное произведение» отличаются между собой как надындивидуальное, надличностное и конкретно-авторское, в котором воплощается и преломляется надындивидуальное и коллективное. Другими словами, любое авторское произведение возникает под сильнейшим влиянием других текстов данной эпохи и в диалоге с ними (М. М. Бахтин). При этом как художественное высказывание, так и художественное произведение, в данном случае, являются знаковыми образованиями, замещающими и отражающими реальность. То есть искусство как один из видов дискурса (дискурсивный жанр) формируется под влиянием и художественного, и культурного кода, где в первом случае имеется в виду, прежде всего, эстетический способ освоения действительности, а во втором – эстетический, научный, социальный, ментальный и др. Резюмируя, учёный даёт следующее определение концепту. «Культурный код – это система знаков, отражающих действительность, и правила их употребления, обусловленные легитимированными метарассказами» (с. 36). При этом, Т. В. Болдырева отмечает, что картина мира закрепляется именно в знаковой системе культурного кода той или иной эпохи, народа, группы людей, определённого типа высказывания или отдельного автора. Описания «семантических узлов», под которыми в данном случае мыслятся знаки разного уровня (архетипы, мифологемы, символы), составляющие культурный код, по мнению исследователя, позволяют «раскрыть словарь действительности» конкретной культуры (с. 37).

Помимо этого, следует добавить, что в работе Т. В. Болдыревой отмечаются три особенно важных, с нашей точки зрения, момента для понимания сущности этого концепта: 1) границы культурного кода являются подвижными, условными и определяются границами рассматриваемой культуры – эпохи, страны, группы людей, отдельного человека и т.д.; 2) реконструкция картины мира, которая закрепляется в знаковой системе культурного кода осуществляется за счёт выявления бинарных оппозиций; 3) как и границы культурного кода, объём понятия «знак» определяется исследователем и зависит от конкретных задач.

В работе Ф. Н. Новикова, рассматривающего цветообозначения как компонент культурных кодов (<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005460803>), исходным становится положение о языке как семиотической структуре. Опираясь на труды В. фон Гумбольдта, Бодуэна де Куртенэ, Н. Трубецкого и Р. Якобсона, учёный выделяет в качестве существенной черты двуплановый модус языка: «язык как код и речь как сообщение» (с. 42).

Учитывая, что все феномены культуры, как отмечает Г. В. Драч, могут быть рассмотрены в качестве фактов коммуникации, сообщений или текстов, то логичным оказывается основной вывод исследователя о том, что культурный код – это язык культуры, представленный в виде совокупности знаков и правил их использования, без которого тексты культуры не могут быть прочитаны (с. 46-47).

В диссертации Юань Мэнмэн «Бестиарий как культурный код в русской и китайской культуре» (<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01011835088>) осуществляется концептуальный анализ понятия посредством методов, выработанных уральской семантической школой Л. Г. Бабенко (с. 23-43). Автор выявляет ядерное, то есть основополагающее значение понятия, затем специальные, периферические и уникальные значения. Примечательно, что учёный обращается к трудам не только зарубежных исследователей (У. Эко, Р. Барт) и русских (Ю.М. Лотман, Р. Якобсон, А. Р. Усманова, М. М. Бахтин, Е. Л. Березович, Г. Д. Гачев и др.), но и ведущих китайских учёных-семиотиков. В данной работе вслед за Ю. М. Лотманом и У. Эко подчёркивается необходимость разделять понятия код и язык, имея в виду, что код – это, скорее, искусственная, условная и договорная система, «умерщвлённый контекст» тогда как язык следует понимать в качестве кода с учётом влияния на него истории (с. 27). Вместе с тем, ядерное значение «культурного кода», взгляд на него через «философскую оптику» позволяет сделать вывод о его семиотическом понимании «как особой системе знаков, модели знаковой системы, характерного набора знаков, символов и смыслов, отличающий один тип культуры от другого» (с. 42). Такое определение, несмотря на отдельные нюансы, на наш взгляд, в значительной степени перекликается с трактовками, рассмотренными выше.

2. Общий обзор и анализ статей Н. В. Букиной (Букина 2008), Н. Н. Изотовой (Изотова 2020), Н. А. Симбирцевой (Симбирцева 2016), И. В. Сульдиковой (Сульдикова 2023), посвящённых данной проблеме, позволил нам убедиться в том, что при самых разных трактовках концепта, доминирующим пониманием его содержательного аспекта представляется семиотический ракурс, с позиции которого культурный код предстаёт в виде семиотической структуры, то есть в качестве определённого набора знаков или их системы. Разумеется, каждый автор по-своему расставляет акценты, выводя на первый план те или иные характерные черты, свойства и функции. Выделение тех или иных аспектов «культурного кода» осуществляется, главным образом, в зависимости от конкретной дисциплины, формата и характера данного исследования. Мы считаем возможным опустить эту нюансировку, поскольку во всех рассмотренных работах относительно «культурного кода» наличествуют в основном те детали, которые мы, в том или ином виде, уже упоминали в рамках настоящей статьи.

Другое дело, что в не в последнюю очередь именно в зависимости от конкретных нюансов, выделяемых учёными, появляются и различные варианты типологий и классификаций культурных кодов. Так, например, С. М. Толстая, Е. Л. Березович и др. предлагают разделить коды в этнолингвистике на два основных типа: субстанциональный (на основании общего материального плана выражения) и концептуальный (на основании смысловой общности) (Бувич 2014: 93); согласно И. В. Сульдиковой различаются три типа глобальных культурных кодов: дописьменный, письменный, экранный (Сульдикова 2023: 179); Н. В. Букина в своей статье «Культурный код как язык культуры» по аналогии с подходами к определению культуры выделяет онтологический, гносеологический, аксиологический и антропологический подходы к пониманию культурного кода (Букина 2008: 70-71).

Поскольку критерии, вводимые для вычленения подобных типов, нередко имеют прямую связь с критериями разграничения кодов как таковых, нам кажется вполне уместным упомянуть статью А. А. Бувич «Код: понятие и его варианты в гуманитарных дисциплинах» (Бувич 2014). Автором лаконично и достаточно подробно рассмотрено понятие «код» в рамках семиотики, структурной лингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвистики текста, теории коммуникации, этнолингвистики и лингвокультурологии. Согласно А. А. Бувич, собственно культурный код как категория возникает только в двух последних, представляя собой, таким образом, узкоспециальную разновидность кода, который сам по себе, прежде всего, является базовым понятием семиотики.

Также, следует отдельно отметить работы Н. И. Жинкина (Жинкин 1982) и его концепцию универсально-предметного кода (УПК), на которую в своих исследованиях, в том числе, ссылаются А. А. Бувич и Н. Н. Изотова. Н. И. Жинкин, как пишут данные авторы, опираясь на работы Л. С. Выготского о мышлении и речи, при помощи специальных экспериментов доказал наличие особого предметно-схемного кода, который выступает неким посредником между языком и интеллектом, а потому «не имеет никакого отношения к языку как системе знаков, формируется в сознании каждого человека в процессе сенсорного восприятия окружающей действительности» (Изотова 2020: 187). Такой взгляд на код некоторым образом рифмуется с уже упоминаемыми положениями Клотера Рапая, а также, на наш взгляд, в некоторой степени предваряет известную теорию метафор американских лингвистов Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона (Лакофф, Джонсон 2004). Примечательно, что именно эти концепции активно используются в современных когнитивных науках.

Несмотря на это, приведённые данные позволяют говорить о семиотическом взгляде на «культурный код», как доминирующем в гуманитарных науках на сегодняшний день.

Осмысление всей суммы полученных на данном этапе сведений и представлений о культурном коде, основных его качеств, свойств и функций, позволяет нам выделить следующее аксиоматическое (рабочее) определение. Культурный код (X') – это определённая система знаков и правила их употребления, которые являются «ключом» к различным текстам, способствуя тем самым процессу идентификации культуры (ее «прочтения» и «расшифровки»); культурный код обеспечивает хранение информации и возможность культурных коммуникаций – передачи значимых смыслов на разных уровнях, в силу чего, помимо прочего, выполняет функцию культурной памяти.

Исходя из такого определения, нам кажется вполне логичным искать аналог культурно кода в истории криптографии – науке об искусстве тайнописи. На сегодняшний момент криптография широко используется в самых разнообразных сферах деятельности (Фикс 2014).

Итак, опираясь на логику криптографии, мы полагаем целесообразным проводить аналогию с немецкой шифровальной машиной «Энигма» (Q). Такой выбор кажется оправданным сразу по нескольким причинам: 1) во-первых, устройство «Энигмы», а также процесс шифровки и расшифровки крайне предметны, наблюдаемы и осязаемы, что существенно для модели в рамках аналогии, особенно если иметь в виду приоритет визуальности самого метода; 2) во-вторых, та известность, которую в отличие от других подобных машин приобрела «Энигма» благодаря книге Эндрю Ходжеса «Алан Тьюринг: Энигма» (1983) и снятому по её мотивам фильму «Игра в имитацию» (2014), а также наличие множества разнообразных статей, материалов, репортажей, детальных видеообзоров и даже онлайн-симуляторов, всё это фактически позволяет буквально соприкоснуться с «Энигмой» и тем самым глубже понять суть её устройства; 3) в-третьих, будучи изобретённой на позднем этапе классического периода криптографии, «Энигма», в некотором смысле, вбирает в себя значительную часть результатов данного искусства за всё его время вплоть до начала XX вв., то есть, с одной стороны, «Энигма» представляется значительно сложнее множества иных шифров, что открывает возможность для выстраивания более детальной и адекватной аналогии, а с другой – видится гораздо ближе к реальному культурному коду и коммуникациям, чем компьютерные криптосистемы современного типа, являя, таким образом, в рамках данного вопроса золотую середину.

Наконец, «Энигма» (Q) (от греч. «αἴνιγμα» – нечто непонятное, неясное; загадка) – знаменитая роторная электромеханическая шифровальная машина, создателями которой считаются немецкие изобретатели Хуго Кох и Артур Шербиус. В своём самом известном варианте она представляется в виде портативной пишущей машинки, но предназначенной для шифрования сообщений. Наиболее широкое распространение «Энигма» получила во время Второй мировой войны, когда находилась на службе у немецкой армии (Кан 2000).

В сущности, несмотря на то, что внутренне крайне сложное устройство «Энигмы» давало огромное количество возможных комбинаций (исследователи говорят о существовании 158 квинтиллионов), на деле мы имеем код замены одного знака на другой. При этом человек, осуществляющий расшифровку криптограммы – отправленного кодтекста, должен иметь саму машину, а также кодовую книгу, где указываются предварительные настройки – ключ. Сам процесс раскодирования кодтекста и получение открытого текста осуществляется зеркальным способом. Отдельно следует сказать, что работа с кодтекстом, осуществляемая без знания ключа, и составляет весьма трудоёмкую работу криптоаналитика. При этом он, естественно, может быть достаточно хорошо осведомлён о самом устройстве шифровальной системы, что не в последнюю очередь способствует изобретению метода декодирования.

Анализ коммуникации, осуществляемой при помощи шифровальной машины «Энигма», обзор других криптографических систем и кодов, а также знакомство с устройством штрих- и QR-кодов позволяет нам сделать ряд обобщающих выводов на данном этапе и осуществить частичную корректировку аксиоматического понятия X' .

Прежде всего, во всех рассмотренных криптосистемах под кодом следует понимать именно кодирующую или шифрующую систему, включающую в себя кодовую книгу, которая, в свою очередь, состоит из системы используемых знаков, ключей и установок, согласующихся с кодирующим механизмом, осуществляющим процесс замены или перестановки знаков исходного текста на знаки данного кода, вследствие чего и получается кодтекст. Как видим, такое содержание кода вполне согласуется с нашим аксиоматическим определением культурного кода. Однако существенным аспектом в работе с любым реальным кодом необходимо считать исследователя любого текста своеобразным криптоаналитиком, в том смысле, что код никогда не бывает задан заранее и не предваряет реальному тексту. С этой точки зрения, исследователь всегда имеет дело с закрытым «засекреченным» текстом, код которого лежит внутри него самого, а не где-то вовне. О том, что код локализуется в речи (или тексте) как реальном воплощении языка говорил ещё Ф. дэ Соссюр (Соссюр 1977: 52-53). Верность этого положения, например, отражается в самом термине

«кодтекст», в котором как бы соединяются оба понятия. В связи с этим яснее становится и представление и о самом тексте как кодовом или поликодовом явлении. Для наглядности, можно было бы представить некий текст, написанный с помощью азбуки Морзе, а затем вообразить, что нам неизвестен, собственно, алфавит данного кода. В таком случае, имея необходимое количество подобных текстов, выявляя посредством анализа наиболее закономерные, устойчивые, частотные и повторяющиеся элементы, мы, так или иначе, смогли бы реконструировать алфавит, а значит и сам код Морзе. Иначе говоря, в работе с естественными текстами, не имеющими заранее заданной шифрующей системы, под кодом имеется в виду система, находящаяся в самом тексте, выраженная в наиболее закономерных и повторяющихся моментах, отрефлексированных и оформленных в виде метатекста. Фактически, точно также происходит с любым естественным национальным языком, грамматика и словари которого – обобщённый результат работы лингвистов и других учёных. Разумеется, что результаты такого рода с определённого момента внедряются в последующие тексты и корректируют их. Так, например, работает система образования. В этом смысле становится вполне понятно, почему код сам становится ключом и инструментом идентификации.

В сущности, эти, казалось бы, очевидные детали в понимании кода имеют самый значительный вес. С учётом этого, скорректированное определение X должно быть следующим. Культурный код – это локализуемые в тексте культуры определённая система знаков и правила их употребления, которые являются ключом к пониманию последующих текстов и культуры в целом, способствуя тем самым процессу её идентификации; обеспечивая хранение информации и возможность коммуникации, культурный код выполняет функцию культурной памяти.

Культура же, воспринимаемая как природа второго порядка, воплощается, с нашей точки зрения, в огромном множестве разнородных, разноформатных текстов. Совершенно естественно думать в данном случае, что по меньшей мере у текстов разного типа – в зависимости от принятой типологии – будут собственные кодирующие системы с разными словарями, ключами и кодирующими механизмами. Это отчётливо видно при рассмотрении какого-либо конкретного типа текста. В качестве примера можно привести работы О. Ф. Юферовой о различных способах кодирования информации в музыкальных текстах (Юферова 2023).

Воспринимая любой текст в качестве кодтекста, всякий читатель (не обязательно только исследователь), выступающий в роли криптоаналитика по отношению к такому тексту, так или иначе, имеет некоторые представления о наличествующей в нём системе кодирования, которое, однако, никогда не бывает и не может быть исчерпывающим и вполне достоверным. Вместе с этим именно это частичное знание кода, а точнее, некоторых его структурных особенностей позволяет осуществлять чтение на каком-либо доступном уровне. Разумеется, та сумма элементов, которая сознательно и бессознательно выбирается читателем кодтекста, составляет его собственный код, заметно отличающийся от кода в криптографическом смысле. Мы считаем необходимым обозначить существенное различие между двумя этими системами, обозначив сумму кодирующих элементов, выбранных самим читателем, как указующий механизм (УМ). Подчеркнём ещё раз: если для искусственного криптографического кодтекста существует единственно возможная кодирующая система со строго определёнными элементами и установками, изменение которых ведёт к невозможности чтения, то в естественных кодтекстах изменение тех или иных кодирующих элементов УМ ведёт к различным преобразованиям исходного кодтекста, в результате чего рождается то, что обычно принято определять в качестве интерпретации. Иными словами, УМ всегда выбирается произвольно и зависит, прежде всего, от опыта читателя, кодирующих элементов, из прочитанных ранее текстов, взятых также произвольно, а кроме этого – от личных мотивов.

При наличии бесконечного числа возможных указующих механизмов (УМ), сама культура представляется миром вечно перерождающихся смыслов некоего исходного текста, существование которого мыслится до тех пор, пока остаются люди – единственные его носители.

Однако, если произвольность используемых УМ в рамках научного исследования теоретически возможно исключить точно также, как и в рамках криптографии – при помощи строго определённого метода, то построение самого этого метода в работе с реальным кодтекстом становится не таким очевидным в силу существенного различия или погрешности (P) между культурным кодом (X) и аналогичным криптографическим кодом (Q). Сущность данной погрешности, как мы её видим, заключается в неопределённости границ знаков в естественном языке, тогда как в рамках криптографического кода они определены содержанием кодовой книги. Другими словами, знак, указывающий на объект (референт, денотат) – вещь в мире (Пирс 2000: 49-52), неизбежно приводит нас к проблеме определения границ вещей, с которой, по свидетельству К. А. Скворчевского, столкнулся ещё Бертран Рассел в своей знаменитой логицистской программе (<https://youtu.be/mu9aK4eFACo>). Проблема эта, как считается, была решена его не менее знаменитым учеником, Л. Витгенштейном. Суть же решения сводилась к мысли о том, что границы вещей в мире определяются нашим же языком, что в данном случае заводит в очередной тупик. В действительности же, неопределённость границы знака говорит нам о том, по крайней мере, что

не только текст как явление обладает поликодовым характером, но и конкретный текст определённого типа, скажем, стихотворный или кинематографический, также будут представлять систему кодтекстов: ритмических, стилистических, синтаксических, монтажных, операторских, цветовых, звуковых и прочих кодов. В сущности, такое представление о кодах и кодтекстах вполне согласуется с моделью текста Ю. В. Казарина, разработанной в рамках учебного пособия «Лингвистический анализ текста». Мы думаем, что такие же модели со своей спецификой вполне соответствуют другим текстам иного рода. И нередко, в процессе наложения одних текстов на другие, соединяются, трансформируются, взаимодополняются и даже разрушаются их кодовые системы. Наилучший пример тому – любой качественный художественный кинотекст, включающий кодовые системы совершенно разноплановых текстов: театральных, литературных, музыкальных, архитектурных и др.

Чтобы ясно определить подлинное место культурного кода, с учётом названных различий, необходимо осуществить переход от аналогии Q к расширенной аналогии $Q(P)$, учитывающей условие погрешности. Попробуем представить себе – как можно более подробней – не только саму «Энигму» и суть её устройства, но и такую ситуацию, в которой нам бы пришлось оказаться на пороге совершенно незнакомой комнаты, где среди стола, стульев, шкафа, светильника и прочих предметов мы обнаружили бы данную шифровальную машину, а также большое множество листов с напечатанными на них сообщениями. Положим, что изначально они представлены в виде точек и тире. Договоримся, что в этом случае нам хорошо известна азбука Морзе, так что мы легко расшифровываем сообщения данного типа, но в результате этой операции получаем набор бессмысленных знаков. Положим также и то, что мы сумели связать данный кодтекст с «Энигмой» и её устройством, провели различные эксперименты, потратили сравнительно больше усилий в сравнении с первым кодтекстом и, в конце концов, успешно произвели дешифровку, получив открытый текст на русском языке, например, стихотворение известного уральского поэта Алексея Решетова «Кофточка застенчивого цвета». Ключевым для понимания концепта «культурный код» оказывается, в данном случае, само понятие открытого текста. Спросим себя, является полученный текст стихотворения А. Решетова открытым? Если нашей задачей было свести изначально сообщение к сообщению на понятном для нас естественном русском национальном языке, то ответ, безусловно, да. Во всех остальных случаях – нет. Если мы допустим, что нам важно понять суть поэтики этого автора, его стиль или синтаксис, то полученный текст будет считаться для нас закрытым, требуя, по меньшей мере, других стихотворных текстов А. Решетова. Иными словами, суть наших размышлений сводится к простой мысли о принципиальной важности в разъяснении «культурного кода» относительности самого понятия *открытости* текста. Результаты, полученные в ходе дешифровки закрытого текста, могут быть названы открытыми, очевидно, лишь в том случае, когда удовлетворяют нашей цели или запросу. Именно здесь в добавок ко всему следует учитывать то обстоятельство, что всякий естественный текст, по нашему убеждению, необходимо рассматривать как *закрытый*, поскольку в его содержании будут обнаруживаться и разветвляться самые различные знаковые комбинации, составляющие отдельные кодтексты. Дешифровка на том или ином выбранном направлении будет давать, условно говоря, свои кодовые книги, ключи, указующие механизмы, а в результате и то, что также с определённой долей условности можно назвать кодовой системой или кодом.

Проще говоря, содержание всякого кода вообще определяется не самим текстом, культурой или реальностью иного типа, но тем вопросом, с которым мы к этому тексту обращаемся. Сказать ещё проще, чтобы изучить код (в том числе культурный), необходимо вновь вернуться на порог комнаты и спросить себя, для чего мы решили в неё войти. Поставленный вопрос, в сущности, определяет не только характер кода, но и общие границы выбираемого текста или корпуса текстов, необходимого для получения удовлетворительного ответа.

Содержание культурного кода, в этом ракурсе, будет определяться тем содержанием, которое вкладывается конкретным учёным в предикат «культурный». Иными словами, культурный код (также, как и код иного типа) может быть понят в качестве универсального методологического пустотного концепта, реализующегося в рамках текстовой реальности во всевозможных её границах. Так, например, в рамках культурологии типы культурных кодов могут определяться существующими в этой науке дисциплинарными подходами. Выбранный же подход структурирует определённую комбинацию наиболее устойчивых, характерных и частотных знаков в закрытом тексте заданного объёма, определяемого исследовательским вопросом, позволяя, таким образом, прояснить внутри него интересующий нас аспект.

Суммируя все полученные выводы, нам кажется возможным предложить следующий вариант определения концепта X . Культурный код – это такой универсальный методологический инструмент гуманитарных наук, основной задачей которого становится выявление наиболее устойчивых, универсальных и повторяющихся знаков определённого типа, а также характерные связи между ними, в пределах любого текста как семиотической структуры, типологические, хронологические и территориальные границы которой задаются конкретной целью исследования.

Заключение

Обобщая результаты, можно сказать, что «культурный код» в самом общем виде мыслится как одна из наиболее актуальных, универсальных и востребованных междисциплинарных терминологических единиц в современном российском дискурсе. При этом в политическом, популярном медиа сегменте, а также значительной части научных текстов преобладает взгляд на культурный код сквозь призму исследования национальных культур и их идентичностей. Содержательно же, в рамках различных научных исследований, в отношении данного концепта доминирует семиотический подход, с точки зрения которого он видится в качестве системы знаков и правил их употребления.

Исследование культурного кода путём построения и анализа аналогии из области криптографии на примере кода шифровальной машины «Энигма», позволяет говорить о данном концепте как об универсальном методологическом инструменте различных гуманитарных дисциплин, при помощи которого выявляются и выделяются наиболее устойчивые, универсальные и повторяющиеся знаки их комбинации, наличествующие в рамках выбранного текста или суммы текстов, границы и объём которых определены исследовательским вопросом и содержанием предиката «культурный».

Как пустотный концепт «культурный код» работает в тесной методологической связке с другими пустотными концептами «текст» и «знак». Образно общий принцип такой работы можно представить в виде кинокамеры, где текст – рамки кадра, которыми оператор ограничивает определённую интересующую его часть реальности, знаками, в данном примере, следует называть определённые объекты в кадре, важность которых также продиктована целями оператора, а код – зона резкости, определяемая фокусным расстоянием, выстраивающимся на данных объектах.

В этой связи, та или иная выбранная типология кодов находится в прямой зависимости от типологии текстов, а классификация – от характера знаков. Так, например, можно выделить типы кодов по общему плану выражения: визуальный, аудиальный, архитектурный, хореографический и т.д., а также по общему плану содержания: научный, религиозный, политический, национальный, художественный, поэтический, русский поэтический, уральский поэтический и др. По этой же логике выделяются различные классы кодов: онтологический, аксиологический, гносеологический, деятельностный, а также шекспировский, пушкинский и многие другие.

Такой взгляд на сущность кода и позволяет говорить о «культурном коде» как методологическом инструменте, который вполне согласуется с большинством рассмотренных трактовок данного концепта, но представляется наиболее полным и всеобъемлющим.

Среди наиболее значимых функций культурного кода следует выделить коммуникативную, кумулятивную и гносеологическую. Иными словами, за счёт культурного кода передаётся, сохраняется, считывается и идентифицируется наиболее важная и ценная информация в рамках той или иной культуры или текстовой реальности.

Дальнейшее исследование культуры, текстов и кодов с использованием данных из криптологии, теории информации, математики, кибернетике, когнитивистике, лингвистике, культурологии и др., видится не только перспективным, необходимым, но и неизбежным. Так, в частности, весьма любопытные результаты может дать рассмотрение различных криптоаналитических методов как культурологических подходов. Здесь, по меньшей мере, открывается новый взгляд на частотный анализ, компьютерные и математические подходы.

Однако, всё это темы для последующих исследований.

Список источников

Аузан, А.А. Культурные коды экономики : как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа : Александр Аузан. Москва : АСТ, 2022. - 158 с.

Бувич, А. А. Код: понятие и его варианты в гуманитарных дисциплинах // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина. 2014. № 2(43). С. 90-95.

Букина, Н. В. Культурный код как язык культуры / Н. В. Букина // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 2(47). С. 69-73.

Дробышев, А. В. Метод аналогии в культурологическом исследовании: от универсальных смыслов - к иллюстрирующему кейсу «культурного кода» // Вестник культуры и искусств. 2023. № 4(76). С. 51-62.

Дробышев, А. В. Нравственность как поэтическая ответственность высшего порядка: опыт философско-культурологического эссе // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века : материалы XXII Международного научно-творческого форума (научной конференции), Челябинск, 14–15 ноября 2023 года. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2023. С. 56-61.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.

Изотова, Н. Н. Культурный код как объект исследования социально-гуманитарных наук / Н. Н. Изотова // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10, № 3-1. С. 185-191.

- Кан Д. Взломщики кодов // Пер. А. Ключевский. М.: Центрполиграф, 2000. 480 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. М.: Едиториал, 2004. 356 с.
- Пирс Ч. Начала прагматизма / Перевод с английского, предисловие В. В. Кирыщенко, М. В. Колопотина, СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 352 с.
- Рапай К. Культурный код: как мы живём, что покупаем и почему. М.: Альпина Паблшер, 2019. 235 с.
- Симбирцева, Н. А. «Код культуры» как культурологическая категория / Н. А. Симбирцева // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 157-167.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1977. 695 с.
- Сулдикова, И. В. Концепт культурного кода в современном поликультурном пространстве // Вестник ГГУ. 2023. № 6. С. 177-184.
- Фикс, А. С. История криптографии и новый этический статус информации // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 2(8). С. 65-76.
- Юферова, О. А. Шифровальные системы в музыкальном искусстве // EurasiaScience : Сборник статей LVI международной научно-практической конференции, Москва, 30 сентября 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Актуальность.РФ», 2023. С. 111-115.

References

- Auzan, A. A. (2022). *Kul'turnye kody ekonomiki: kak tsebnosti vliyayut na konkurentsuyu, demokratiyu i blagostoyanie naroda* [Cultural codes of the economy: how values influence competition, democracy, and the welfare of the people]. Moscow: AST. 158 p. (In Russ.).
- Buevich, A. A. (2014). Kod: ponyatie i ego varianty v gumanitarnykh distsiplinakh [Code: concept and its variations in the humanities]. *Vestnik Mozyrskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.P. Shamyakina*, 2(43), 90-95. (In Russ.).
- Bukina, N. V. (2008). Kul'turnyi kod kak yazyk kul'tury [Cultural code as the language of culture]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(47), 69-73. (In Russ.).
- Drobychev, A. V. (2023). Metod analogii v kulturologicheskom issledovanii: ot universal'nykh smyslov - k illyustriruyushchemu keisu "kul'turnogo koda" [The method of analogy in cultural studies: from universal meanings to the illustrative case of the "cultural code"]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*, 4(76), 51-62. (In Russ.).
- Drobychev, A. V. (2023). Nrstvennost' kak poeticheskaya otvetstvennost' vysshego poriyadka: opyt filosofsko-kulturologicheskogo esse [Morality as poetic responsibility of a higher order: an experience of philosophical and cultural essay]. *Nauchnye shkoly. Molodezh' v nauke i kul'ture XXI veka: materialy XXII Mezhdunarodnogo nauchno-tvorcheskogo foruma (nauchnoy konferentsii)*, Chelyabinsk, 14-15 noyabrya 2023 goda. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyy institut kul'tury, 56-61. (In Russ.).
- Zhinkin, N. I. (1982). *Rech' kak provodnik informatsii* [Speech as a conductor of information]. Moscow: Nauka. 159 p. (In Russ.).
- Izotova, N. N. (2020). Kul'turnyi kod kak ob'ekt issledovaniya sotsial'no-gumanitarnykh nauk [Cultural code as an object of research in social and humanities sciences]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*, 10(3-1), 185-191. (In Russ.).
- Kan, D. (2000). *Vzломshchiki kodov* [Codebreakers]. Translated by A. Klyuchevskiy. Moscow: Tsentrpoligraf. 480 p. (In Russ.).
- Lakoff, G. & Johnson, M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from English. Moscow: Editorial. 356 p. (In Russ.).
- Peirce, C. (2000). *Nachala pragmatizma* [The beginnings of pragmatism]. Translated from English with an introduction by V. V. Kiryushchenko and M. V. Kolopotina. St. Petersburg: Laboratoriya metafizicheskikh issledovaniy filosofskogo fakulteta SPbGU; Aleteya. 352 p. (In Russ.).
- Rapaille, C. (2019). *Kul'turnyi kod: kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu* [The Culture Code: An Ingenious Way to Understand Why People Around the World Live and Buy as They Do]. Moscow: Alpina Publisher. 235 p. (In Russ.).
- Simbirteva, N. A. (2016). "Kod kul'tury" kak kulturologicheskaya kategoriya ["Culture code" as a cultural category]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 1, 157-167. (In Russ.).
- de Saussure, F. (1977). *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on Linguistics]. Moscow: Progress. 695 p. (In Russ.).
- Suldikova, I. V. (2023). *Kontsept kul'turnogo koda v sovremennom polikul'turnom prostranstve* [The concept of cultural code in modern multicultural space]. *Vestnik GGU*, 6, 177-184. (In Russ.).
- Fiks, A. S. (2014). Istoriya kriptografii i novyy eticheskiy status informatsii [The history of cryptography and the new ethical status of information]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva*, 2(8), 65-76. (In Russ.).
- Yuferova, O. A. (2023). Shifroval'nye sistemy v muzykal'nom iskusstve [Cryptographic systems in musical art]. *EurasiaScience: Sbornik statey LVI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moscow, 30 sentyabrya 2023 goda*. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Aktual'nost'.RF", 111-115. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Дробышев – аспирант кафедры философии и культурологии Челябинского государственного института культуры.

Information about the author

Artem V. Drobyshev – postgraduate student of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Chelyabinsk State University Institute of Culture.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 14.06.2024;
принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 14.06.2024;
accepted for publication 17.06.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.